

Сергей СТЕПАНОВ

Сергей Степанов родился в 1991 году в Санкт-Петербурге. Окончил Политехнический университет. Сменил несколько профессий, много путешествовал. Автор сборников «Непохожий» и «Добрые люди». Живёт в Новгородской области.

БРОШКИН

Рассказ

Диня долбил дом. У него уже был перед входом высокий, рядов в пять или шесть забор, и он хотел ещё сделать навес, чтоб защищал от дождя и другого плохого, но так как времени оставалось немного и опасное чувство волновало его, он решил для начала разобраться с внутренкой.

Взяв кирку, он подошёл к отвесной скале и стал углубляться в неё. Серые кубики рассыпались под одинаковыми ударами, рисуя стеклянные крапинки одинаковых брызг, и коридор быстро рос, петляя в каменном пятнистом пространстве. Прокопав достаточно далеко и сделав достаточно количество тупиков и перекрёстков, он стал оформлять спальню, но предварительно вырубил перед входом небольшую, два на четыре полку для сундуков, чтобы, возвращаясь домой, класть в них предметы. На этот счёт у него были чёткие принципы, и сундуки он никогда не таскал с собой.

Со спальней нельзя было переборщить, ведь наученный опытом, он уже знал, чем гигантизм обычно кончается. А вместе с тем и малюсенькой, детской, ему уже не хотелось. Родители нервничали. Мамин голос, как чайка, носился снаружи, крича, чтобы папа Диню наконец-таки покормил. И опасность была, как и всегда: что его кто-то прервёт на самом ответственном месте.

Он выбрал середину, не большое, не маленькое. И помещение выходило прекрасным: идеальный кубик серых, в кирпичной текстуре стен, а посередине – столб для спанья. Только бесформенный бежевый нарост, почему-то оставшийся в одном из верхних углов, портил всё впечатление, и Диня, застыв с поднятым над клавишей пальцем, как раз прикидывал, как побыстрей добраться к нему, когда в районе двери заколыхалось:

– Есть пойдём! – сказал невидимый папа. – Чё, не слышишь?

– Ну папа! Ну ещё чуть-чуть!

Диня жалобно протянул.

– Так, нет, иди! – папа ответил строго.

Впрочем, в его голосе содержалось сомнение, а может задумчивость, а может что-то ещё, и Диня, не прекращая строить лестницу к выступу, решил зайти по-другому:

– Ну, папа! Сам же из меня игромана сделал! Мне плохо будет, если уйду!

Покачавшись в проёме, папа махнул рукой и ушёл обратно на кухню. А насчёт спального столба можно было бы, конечно, сделать так, чтобы он держался бы на тонкой, в один кубик, ноге. Тогда на спальную площадку приходилось бы взбираться, каждый раз строя, и тут же уничтожая ступеньки. Но так как это было неудобно, то Дине пришла в голову мысль, что...

– Ты чего тут сидишь!?! – влетев в комнату, мама, как и всегда, заругалась. – Я вам что говорила? Я вам что говорила-то, а?

Её обвиняющий голос, не прерываясь ни на миг, удалился в направлении кухни, и там дополнился гулом виноватого папиного. Было похоже на красивую музыку.

Вздохнув, Диня залез на площадку, поставил на гибернацию и поплёлся на шум.

– ...ли вы потому что! Я сколько могу за вами бегать? А? Вы сами-то что-то можете? Или я до гроба должна за вами бегать и всё за вас делать? Где тапки? Тапки где? – закричала мама, загружавшая посудомойку, при виде неудачного сына. Диня сел на стул и стал пилить вилкой половину холодной картохи.

– Ну хватит, чё ты... – смиренно протянул сидящий за столом и копающийся в смартфоне папа. – Знаешь ведь, что без спальни бывает...

Он быстрым взглядом встретил взгляд сына, скользнул по его тарелке, и Диня всё понял без слов. Да, спорить с ней в такие моменты и вправду была печалька, у неё та самая «точка бифрукации» шла, и Диня, дождавшись, когда мамины глаза заскользят в его направлении, отправил в рот один из безвкусных кусков. И если лестницу сделать с разрывами, так, что с одной ступеньки надо будет прыгать к другой, то это избавит и от сложностей с разрушением, и надёжно его защитит. (Жуя, Диня улыбнулся мыслям: от них было хорошо и тепло, словно внутри, где-то в районе желудка, что-то барахталось и кипело.) Ведь даже если Криперы проникнут в дом, а они хоть и тупые и вряд ли пройдут по созданному им лабиринту, но бывает всякое – вон, Sliceban писал, как они однажды сгенерировались прямо в бункере у него, так вот, даже если пройдут, то не смогут взобраться по лестнице, так как не умеют прыгать! Пусть чуть больше времени на это уйдёт, ну, чтобы построить столбы, а потом лишние кубики убрать, но зато спальня станет действительно безопасной...

– ...и можно будет тогда на этой платформе спать! – задохнувшись, он продолжил рассказывать. – А то меня в прошлый раз... Я отошёл от стола, и...

– Слушай, ты опять?! – с раздражением сказал папа. – Я тебе сколько раз говорил: понятно всё объясняй!

– Да я платформу себе строю...

Расстроился Диня. Ему было и самому неприятно, что он «аутист», хотя играл он только на многопользовательском режиме.

– Ну, молодец, молодец... – папа поводил рукой над его волосами и сказал маме, глядя в экран: – Пробки-то какие! Час десять показывает!

– Ну, и куда переться? – недовольно произнесла она. – Что ты к ним всё таскаешься и нас тащишь?

– Друг ведь! – обиделся папа. – Да и этого, вон...

– Нужен ты там...

– Слышите, оставьте меня, а? – ещё разок попытался Диня. – Ну, я честно-честно от компа никуда не отойду!

– Так, нет! – отрезал папа. – Поедешь.

– Ну пап! – Диня подпустил стона. – Ну я же не могу общаться с людьми!

– Будешь социализироваться, я сказал! Вон, уже и в школе говорят, что, нафиг, неадекватный.

– Да плюнь ты на него! – мама закричала. – Выгонят из школы, сдадим в детский дом, и всё.

Движения, которыми она управлялась с посудой, были не менее раздражёнными, чем её голос, и казалось, что даже посуда несёт часть общей вины. От такого Дине особенно хотелось укрыться, и, выбрав момент, когда мама подзабыла о нём и её руганья стала чуть более обобщённой, он подсунул ей едва тронутую тарелку и потёк к выходу с кухни. Мама на автомате счистила объедки в мусорный бак, а тарелку сунула в посудомойку, и продолжила уже по поводу новостей:

– Ну когда же это всё кончится? Как достало это ворьё! Чтоб он сдох, наконец, этот изверг!

А у Дини и впрямь чайник кипятился внутри. То есть даже не в сердце, а где-то совсем глубоко. От предчувствия счастья было настолько жарко, что почти невозможно было терпеть. И когда он бежал к компьютеру, в его сознании передвигались одинаковые

серые кубики, а перед глазами как живая стояла картинка мира, которую он мечтал воплотить.

По пути пришлось играть в «Standoff» на планшете. Любимая тут, видите ли, не шла, разрабы не удосужились пропатчить старые версии операционки, а для «танков» и «самолётов» не хватало внутренней памяти, хотя он уже много раз просил папу почистить кеш. И хотя рейтинг чувствовал себя неуютно – и управление неточное, и машину трясёт, – Диня всё-таки решил, что сумеет приспособиться и показать дошколятам, сидящим в Тетрах перед гнушками и управляющих игровухами, кто такой DevilBoss и почему у него в поле ранга, раскинув крылья, золотой феникс горит.

Чувство неравной борьбы его захватило. Это было как на соревнованиях, как в финале, когда коварные соперники сделали всё, чтобы осложнить великому чемпиону жизнь, а вокруг ревет и беснуется тысячеглазый, жадный до сенсации мир. Радуюсь удачным попаданиям, Диня то восторженно повизгивал, то тихонько бубнил (потому, что половину зрителей раздражало первое, а половину второе), и только-только стал подбираться к балансу, где и хедшоты получаются один за одним, и голос звучит так, что родители его не ругают, как оказалось, что семья уже паркуется в каком-то тёмном проезде, с трудом отыскав место в веренице машин.

И, наверное, именно в неожиданности была причина. Мама как всегда резко выхватила планшет, а Диня без подготовки, не оглядевшись, вылез, и от инерции ему показалось, словно с обезумевших трибун все разом набросились на него. Обрушились окружавшие двор высотки. Машины и заборы стали сдавливать, как тоннель. Отовсюду завизжали дети и птицы, кто-то бибикал, кто-то моторно рычал. Проходящие обрывки людей вопили каждый своё, а издали, ото всех сторон нёсся непрерывный шум, как если бы Диню и впрямь кинули в центр начинавшей кипеть кастрюли. В сравнении с тихим посёлком, где он был секунду назад, и где жизнь молчала под небом, аккуратно натянутым на верхушки берёз, всё это выглядело таким ненастоящим кошмаром, что он в искреннем ужасе схватился за мамину руку. И ему очень понравилось, что она обняла его и даже не стала стыдить, а назвала просто «маленьким» и основное недовольство направила на смиренного папу, потребовав, чтобы тот полюбовался на «результаты своих плодов».

В прихожей у дяди Серёжи было как в предбаннике тесно. Да и сама квартира не больше их бани была. Только подобные мысли Диня уже не озвучивал. После одного из первых визитов, когда он удивлённо допытывался, как столько людей могут жить в трёх отсеках, ему сильно влетело от мамы, и он уже не обращал на это внимание, как на какой-то неустранимый баг. Раздевшись, он побежал играть в детскую комнату.

Ребят было двое: ровесница Лена и пятилетний малыш – он не запомнил ещё, как зовут. По прошлым встречам Диня помнил, что с ними довольно весело было. Лена с интересом наблюдала за «Вайлдкрафтом» (он на «Майник» тогда ещё не подсел), а для мелкого он и вообще оказался авторитетом: за пару нажатий на экран тот готов был любые желания выполнять. Но на этот раз игры почему-то не получилось. Лена, полежав возле него на кровати, сказала, что не понимает, чего в этих квадратах весёлого, и ушла, а вскоре за ней последовал и малыш. И Диня расстроился, а чтобы всем доказать что нет, стал озвучивать развлечение, смеясь, когда находил алмаз, и визжа, когда приближались агрессивные моды.

Не сказать чтобы оставшись один, он всерьёз ощутил возвращение паники. Да, реальность как-то необычно наслаивалась на игру, но Диня конечно же понимал, что своё чувство преувеличивает. Но на плече ещё теплилась мамина сочувственная рука, а страх, что великаны-высотки ударами кулаков вот-вот проломают текстуры стен и расплющат его, выглядел вполне достоверным, и он раз за разом возвращался к ощущению тёмного ужаса, который испытал, выйдя из машины во двор. Страх накатывал волна за волной, так

что его наконец стало подташнивать. И когда он закрыл глаза, чтоб поглубже в это чувство упасть, то и впрямь испытал десятиэтажную бездну, и тогда уже на полном серьёзе бросил смартфон, схватился за покрывало, и стал орать, что сейчас умрёт, провалившись в неё.

Но взрослые, бубня, пили пиво в гостиной и смотрели футбол. И Диня бегал к ним с жалобами на свои ощущения и вопросами, когда можно будет уйти. Но мама ругалась и прогоняла, продолжая – «Вот, вот, смотри!» – жаловаться тётке Жене на жизнь, а покрасневший от пива папа был настолько затаен игрой, что внимания и вовсе не обращал. Наши «жирные миллионеры» снова вдували, и он раздражённо бухтел, а дядя Серёжа согласно кивал головой.

Чувствуя себя всё более неуютно, словно что-то слезливое натянулось и пилит его изнутри, Диня даже рискнул подключиться к Мох'у. Но это сразу стало напоминать изнурительную на два фронта войну. С одной стороны валом валили скелеты и пауки, летали призраки и драконы, и банды злых хотели догнать и убить, а с другой нависали гиганты-высотки и облизывалась пропасть внизу, да и дети постоянно носились, играя то в догонялки, то в прятки, забегая в его комнату, визжа, и даже прыгая по кровати через него. И он, утопая в ударах холодных волн, то изнутри, то снаружи, защищая из последних сил свой оказавшийся под нападением мир, мечтая, чтобы задача упростилась наполовину, Диня дожидался лишь окончания матча, чтобы уехать домой.

Наконец в гостиной задвигалась мебель и зазвенела посуда. «Миллионеры» продули, родителям делать здесь было нечего, и он, словно уже победил, с удвоенной энергией кинулся убежать от окруживших его агрессивов.

Вот почему он так удивился, когда вместо готовой к путешествию мамы в комнату вошёл дядя Серёжа и сочувственно произнёс:

– Ну что, Брошкин ты мой, пойдём прогуляемся хоть?

Причём удивило его даже не крушение мечты, а смешное и щекотное ощущение тёплой руки на затылке. Это было как когда получаешь награду. И Диня, наверное, даже сопротивляться не стал (ведь посредством прогулки припаркованная машина становилась лишь ближе), но вот тут-то в комнату уже и запрыгнула мама, тоном без возражений произнеся:

– Да что его спрашивать! Его спрашивать – он вообще перестанет вставать!

Она резко выхватила смартфон, а когда Диня завыл от неожиданности и обиды, то и вообще демонстративно закинула гаджет на шкаф.

И мир обрушился как-то сразу.

Диня ощутил, что действительно прямо сейчас умрёт.

Он рухнул в прихожей на пол и стал извиваться, ревя, что в этом они виноваты. Однако все оставались безучастны к нему. Глухая толпа стояла напротив входной двери, и каждый смотрел, кто насмешливо, а кто удивлённо. Как на ненормального, как на шоу, на экспонат.

Даже родители непреклонно молчали: папа хмуро, а мама словно опять собиралась ругать.

И силы стали его покидать, а на их место приходила огромная пустота: Диня с ужасом ощутил, что его предали все, и никто не любит.

Надежда оставалась одна, на машину. И Диня, всхлипывая, с трудом поднялся и стал натягивать куртку, путаясь в рукавах. В тёмной квартире он оставался один, из мрака что-то хищно смотрело на него и посапывало. И только тень недовольной мамы виднелась на лестнице сквозь открытую дверь.

Нетвёрдо дойдя до лифта, он зашёл в тёмный металлический бокс, и они поехали. Там-то мама на его вопрос и ответила, что после прогулки они собираются вернуться в квартиру. И всё, что происходило дальше, было как бы не с ним.

– Па-а-па! – вывалившись на улицу, синюшный, с дрожащими и покрытыми слезью губами, он завизжал. – Пожа-а-алуйста, только не назад! Ну, милый папочка! Ну, чего тебе стоит?! Запри ты меня в машине, а я посижу и вас подожду!

Но папа промолчал, и Диня снова завыл, крича, что его заваливают и душат обломки.

А его, хнычущего и цепляющегося за маму, поволокли на площадку детей.

Там кишела орава, визжащая, толкливая, отбирающая, мелькающая пятнами лиц. И Диня, хотя, конечно, он раньше ходил в детский сад, захрипел и стал задыхаться, увидев, как просто, как в лаву, Лена с малышом врубилась в незнакомый поток и бесследно исчезли в нём.

Гудела кастрюля, визжали машины, орали птицы, кто-то нёсся, грозя раздавить.

Не было ни правил, ни рейтингов, ни возможности выйти.

И когда к нему подбежало лохмато-очкастое нечто и сунуло в лицо какой-то жёлтый квадрат: «Ня! Сюсая!»

Диня почувствовал, как что-то лопнуло внутри у него.

– Мама! Я какать хочу!

Он истерически завизжал.

Та сначала, как и всегда, заругалась, но потом пригляделась к сыну, изменилась в лице, выхватила у подружки ключи и понеслась за руку с Диней домой.

Было пусто, и внутри что-то неприятно дрожало. Катастрофы не произошло. Они с мамой успели добежать до квартиры, и Диня имел долгую и бесплодную сессию с унитазом, ощущая кислую резь и отвечая на мамины взволнованные вопросы, что вот-вот, вот сейчас, ещё потерпеть немножко, и он наконец умрёт.

Конечно же в итоге он стал для мамы «бесчувственным эгоистом», она «не общалась» с ним, и теперь он лежал под одеялом на детской кровати, тыкая безразлично в экран.

Диня понимал, что не только с ней, но и вообще ни с кем к общению не способен, и всё, что ему хотелось – просто уехать домой. Родимый компьютер с пестрящим во мраке экраном и звонкими в наушниках голосами манил, обещая покой.

Однако вызволять его бесчувственные не собирались. Наоборот, вернувшись с прогулки, они снова уселись в гостиной и стали пить пиво, болтая обо всём на свете, кроме него. Диня и впрямь почувствовал себя брошкиным: вот он, страдает, а до него никому дела нет. И поэтому сделал отсутствующий вид, когда в комнату вошёл дядя Серёжа, сел рядом с ним и стал наблюдать за игрой.

Обычно взрослые заглянут в экран и, что-то спросив для вида, уходят. А этот – сидел и смотрел, и даже задавал вопросы, и так одну, пять, десять минут. Чем дальше это продолжалось, тем было более необычно. И у Дини в груди поперёк его воли стало нарастать смешливое какое-то ощущение: его игрой интересовались, и она как бы становилась важной вдвойне. Он более эмоционально реагировал на события в клетчатом мире, и даже наконец засмеялся, когда музыкальные диски выпали из сундучка.

– А почему ты их не берёшь, раз они редкие? – спросил дядя Серёжа, увидев, как Диня отошёл и за деревьями встал.

– Буду ждать Крипера-музыканта.

– Зачем?

– Потом скелета к нему приведу, он его убьёт, и я заберу вообще все его диски.

– Ничосе! – ещё сильнее удивился взрослый. – Так что, не всё так просто тут?

– Пф-ф-ф!! – хмыкнул Диня и стал ему объяснять про другие премудрости.

Бродя по своему миру и комментируя действия звонким, срывающимся голоском, он забыл и чувствовать пустоту в животе и груди, и наоборот, там стало щекотно-просторно, словно кто-то щёткой смахивал пыль.

– Динечка, – он так увлёкся, что даже не заметил, как нарисовалась в комнате тётя Женя, – пойдём покушаем. Я картошку с курочкой запекла.

– Не-а... – не взглянув на неё, сказал он, и вдруг почувствовал, насколько голоден.

Ему уже и давно мерещился запах еды, но, отвлечённый игрой и страданием, он не воспринимал его наяву. Пойдя же по коридору, он вдруг осознал, что пахнет чем-то поблескивающим и хрустящим, сладковатым и терпким, горячим, дымным, большим, и он шумно сглотнул, избавляясь от набежавшей слюны.

Дети сидели за столом, поглядывая на него с сочувственным интересом. Перед каждым стояла тарелка с обжаренной, в коричневой корке, картошкой и волокнистыми кусочками курицы.

– Вот, я тебе разобрала, – сказала тётя Женя, ставя такую же перед ним.

Раньше Диня подобного блюда не пробовал. У мамы картошка с сосисками, в забегаловках гамбургер с фри. И он, конечно же, отказался, так как вид у еды был совсем не товарный. Но так как тётя Женя упрашивала, да и запах лез в нос как какой-нибудь на цыпочках вор, то он всё же попробовал, предварительно отвернувшись и скривившись.

О-о-о!!!

Диня накинулся на горячую картошку и стал закидывать одну за одной. Пропитанная чем-то густым и влажным, она хрустела со звонкостью чипсов, оставляя во рту мясной сытный вкус.

– Ой, умница какой! – приговаривала чужая мама, накладывая добавку. – Кушай, кушай! Мои тоже под жирком за обе щеки метут!

Она стояла сзади своих и, улыбаясь, смотрела. Время от времени она их гладила по головам, и тогда Диня, словно это его поглаживали, хихикал, сжимая плечи. Когда же она вдруг подошла и проделала то же самое с ним, то от сочетания чувств внутри и снаружи ему стало так хорошо и щекотно, что он, как довольный макак, завизжал и шутливо забарабанил её по руке.

Он всё пытался запомнить странно-вкусное слово, не веря, что картошка может быть такой упоительной. А ещё подначивал мелкого, который всё активнее приставал под его руководством к сестре, делая вид, что хочет своровать у неё из тарелки. Серьёзная Лена выразительно смотрела на Диню и толкала брата локтем.

После ужина он пошёл со всеми в гостиную. Там мужчины с пивом и орешками сидели на диване у телека, а его мама, утопая в бин-беге, читала журнал. Диня выканючил у неё планшет и устроился на полу у стены, а дети стали играть в углу комнаты в «Лего».

– Не-не-не! – Закончив мыть посуду, в комнату вошла тётя Женя. – Хватит гробить ребёнка!

– Ну а что делать-то с ним? – как бы оправдываясь, сказала мама.

– Вон: пусть с детьми поиграет! – Та развела руки. – Динь, ты посмотри, какой там конструктор-то есть!

Он попытался было понять, а когда тётя Женя отобрала планшет, для достоверности даже поизвивался по полу. Но после сытной еды состояние было каким-то равнодушно-спокойным, и, хотя в конструктор играть совсем не хотелось, Диня на автомате пошёл и принялся конструировать крепостно-спальный столб. Малыш, конечно, как зеркало стал всё за ним повторять. И совсем вскоре Дине стало даже приятно, что он и здесь, в реале, умеет кого-то увлечь за собой. Он комментировал технические решения мелкого, подсказывал, как удобнее и надёжнее строить платформу, и они так увлеклись, что совсем упустили момент, когда из комнаты кто-то ушёл.

Поэтому Диня так резко вздрогнул, заметив, что дети с напряжением и тревогой смотрят вглубь коридора. И резко оглянулся, решив, что в квартиру проник чужой.

Во мраке шевелилось что-то лохматое.

– А-а-а! – взвизгнул мелкий, вскочив и прижимаясь к сестре. Диня тоже подпрыгнул и растерянно встал рядом с мамой.

– Ну па-па!! – Лена недовольно по направлению «чужого» произнесла.

Из темноты, со стороны кухни надвигалась расплывчатая чёрная масса.

– У медведя во бору... – Диня узнал голос дяди Серёжи, – ... грибы ягоды беру...

Тот вышел из коридора на свет, и Диня увидел, что на его голову накинута шуба.

Малыш, радостно пуча глаза, спрятался за сестру, а та сделала защищающий жест и стеснительно засмеялась.

– Мед-ведь не спит... – ритмично покачиваясь и раздвинув руки, взрослый приближался к ним со скоростью зомбака, – всё на вас глядит...

Он сделал паузу, набрал в грудь воздуха, поднял для нападения руки... И в этот миг брат с сестрой вскочили и бросились врассыпную, а Диня остался один.

– За-а-алома-а-аю!

И дядя Серёжа бросился на него.

Нет, Диня, конечно, не испугался. Ведь он видел, кто на самом деле был этот как бы медведь, и знал, что ничего плохого с ним не случится. Но в том-то и дело, что это «как бы» обволокло и растворило его: он прямо-таки видел сквозь мужчину мохнатое ненасытное чудовище и верил, что не дядя Серёжа, а оно, именно оно сейчас догонит и схватит!

И от этого ноги словно пропали. Он хватался рукой за пуфик, за мамино плечо, пытаясь придать себе ускорение, но не мог сделать и шаг.

А чудовище уже было вплотную! Страшное дыхание касалось лица!

И у Дини плыла голова и барабанило сердце – так ему хотелось бежать.

Но он не мог. И только когда лапы монстра уже почти сомкнулись у него на плечах, комната вдруг просияла, ноги вернулись, и Диня, по-малышовски взвизгнув, кинулся убежать.

Стало легко. Пропала голова, и всё наполнил приторно-сладкий страх.

Диня устремился к свету и стал на него карабкаться. Но закричала мама, и он, соскочив с занавесок, рванул в другую сторону, попытавшись забиться уже за телевизор, во тьму. Но его и оттуда прогнали, и тогда Диня, схватив с пола тапки, завизжал и стал ими кидать. Зверь взревел, разъярясь от хедшотов, и Диня снова, как птица, от него ускользнул. Приземлился на спинке дивана за папой – тот не дал защиты, спасая бокал; хохоча, слетел вниз, чтобы спрятаться под свитером тёти Жени – она, колыхаясь от смеха, закричала, что щекотно и отстранила его.

А лапы уже касались! Чудовище скребло по спине, вонзаясь когтями и грозя разорвать!

Изнемогая от плача и радости, Диня сделал отчаянный последний рывок: сорвался с дивана и рухнул на тёплое мамино тело, обняв вместе с пуфиком, и лицом прячась, как в домике, в ней.

Это то и был конец... Ведь только этого и ждал медведя.

Наросши сзади, он навалился и стал щекотать.

Мама захохотала. И Диня тоже стал хохотать и визжать, умоляя отпустить его и стоная, что он больше не может. Утомление и радость смешивались в продолговатое, оранжевое и сияющее чувство, волнами прокатываясь от головы и до ног. Мамино тело было близко и жарко, и от её объятий и радости веселье устремлялось под облака. Он просил, а чудовище всё не унималось. Когти давили и царапали, вгрызаясь в беззащитную плоть. И терпеть это стало невыносимо. Бессильные сладкие судороги всё быстрее побежали через Динино тело, стекая от груди сквозь живот и в промежность, как электрический ток. Такого счастья он ещё не испытывал, и на миг ему стало страшно, что он сейчас и вправду умрёт. С этой мыслью одна из судорог пронзила настолько больно и ярко, ударила таким острым разрядом в паху, что всё вмиг прошло, и наступила утомлённая серая слабость.

«Хватит... Всё... Я описался... Хватит...»

Выдавил Диня, сползая на пол.

Только тут дядя Серёжа от него наконец-то отстал.

– Ну вот и что с тобой делать? – спросила мама, уже когда направлялись домой. Она была за рулём, а папа дремал, откинувшись на пассажирском сиденье.

– Сам понимаешь хоть, что уже совсем неадекватный? – продолжила она. – С детьми разучился общаться. Так, отложи и поговори со мной!

– У-у... – отрицательно хмыкнул Диня. Он как раз чатился с тиммейтами, и было не похоже, чтоб это касалось его.

– Ну а ты что молчишь? – она обратилась к папе.

– А что... – сонно ответил тот. – Пройдёт... Со временем... У меня же прошло.

– Что будем делать? – повторила мама. – В детдом отдавать?

– Давайте... – равнодушно сказал Диня, зная, что ни в какой детдом его не сдадут.

– Ну а что делать-то? – мама нервно спросила. – Ты не слушаешься, катишься вниз, и всё при полном попустительстве папы.

– Ты меня к нему в комнату подсуди!

– А мне куда? Вы меня как бы что: выгоняете?

– Нет, живи...

– Вот я на тебя посмотрю, – звонко сказала мама, – когда у тебя свои дети будут, и будут не слушаться, как ты нас сейчас.

– Шутишь? – дерзко ответил Диня, чувствуя, что маме до бифуркации далеко. – Я ж игроман! Какие у меня могут быть дети?

– Ничего себе! – удивилась мама. – Вот это заявленьце! А как ты собираешься жить?

– Да никак. Тупо у компа просижу.

– А работать?

– Эт не-е... Нахлебником. У вас на шее. Сами родили – сами кормите!

– А потом?

– Когда помрёте? Дом продам, и буду дальше катиться.

– А ведь это реальный план! – засмеялся, очнувшись, папа... – Чувак понимает, что мелет. Слышь, шкет, тебя этому кто научил?

– Как кто? Сам!

– Слышь, «сам»! Шнурки ещё завязывать не умеешь. Одиннадцатый, блин, год. Говори, откель услышал сию умную мудрость?

– Да так, блогер один... – придумал на ходу Диня. Он открыл, как получить на этой локации стопроцентный эффект: в коде приложения по стопке ящиков допущен был ляп, и он мог, вставая под определённым углом, стрелять в появляющуюся щель, сам оставаясь неуязвимым.

– Нет, я сдаюсь! – жалобно произнесла мама. – У меня нет уже сил с вами бороться!

– У меня тоже нет сил. – папа медленно повторил.

«Но надо же что-то делать!»

«Ну, давай к психологу отдадим.»

«Отдадим, отдадим... Тут дело не в том, что кто-то придёт и за тебя сделает, а в том, чтобы самому...»

«Что, наслушалась?»

«Да, наслушалась! Люди занимаются с детьми! Гуляют, играют! А ты живёшь, как будто нас нет». – «Почему только я? То про нас говорила, а то про меня». – «Ну, давай... Давай вместе... делать!..» – «Ну ладно ты, слушай... В конце концов... гораздо лучше наркотиков... Представляешь, что было бы...» – «То есть даже так?.. страшного нет... валяется по полу, срётся... – «...будет с ним в жизни... нормально... в мире ничто не вечно...» – «...с таким подходом как жить...»

И они ещё долго, долго-долго, до самого конца поездки так спорили. Но только Диня не слушал их. Их голоса действительно звучали для него как красивая музыка.

Машину обволакивала уютная тьма, и сонно светили фары. Родители были рядом, и больше не о чем было мечтать. Впереди ждали удобное кресло, мерцающий экран и бесконечные часы в занимательном мире. И Диня был полон ощущения расслабленности и покоя, лени и равнодушия, удовольствия и комфорта, словно уже перенёлся в свой заветный, безопасный и радостный дом.